

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО

*О ГРАЖДАНСКОМ
НЕПОВИНОВЕНИИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)(73)
ББК 87.3(7Сое)
Т61

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *З. Александровой*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

В оформлении обложки использована картина
Уильяма Барна Уоллена «Встреча джинго в Гилдхолле».

Торо, Генри Дэвид.

Т61 О гражданском неповиновении : [сборник] / Генри Дэвид Торо ; [перевод с английского *З. Александровой*]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 192 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-159177-9

Сложно найти мыслителя, более актуального в наши дни, чем Генри Торо. Темы, которым он посвятил свое творчество, — социальная справедливость и «осознанное потребление», отрицание культа материального преуспеяния и любовь к природе, внутренняя самодостаточность, интеллектуальное совершенствование и, конечно, борьба с безраздельно царившим в его времена в США расизмом — в XXI веке стали программными для всего цивилизованного мира.

В этот сборник вошли публицистические и философские произведения, демонстрирующие разные стороны интеллектуальной, духовной и социальной позиции Торо, — классическое аболиционистское эссе «О гражданском неповиновении», очаровательная маленькая повесть «Ктаадн», посвященная восхождению автора на одноименную гору в Новой Англии, и статья «Рабство в Массачусетсе».

УДК 1(091)(73)
ББК 87.3(7Сое)

О гражданском неповиновении

Я всецело согласен с утверждением: лучшее правительство то, которое правит как можно меньше*, — и хотел бы, чтобы оно осуществлялось быстрее и более систематически. Осуществленное, оно сводится в конце концов — и за это я тоже стою — к девизу: «Лучшее правительство то, которое не правит вовсе, а когда люди будут к этому готовы, то именно такие правительства у них и будут». Правительство является в лучшем случае всего лишь средством, но большинство правительств обычно — а иногда и все они — являются средствами недейственными. Возражения, приводившиеся против постоянной армии, — а они многочисленны и вески и должны бы восторжествовать — могут быть выдвинуты также и против постоянного правительства. Постоянная ар-

* *Лучшее правительство то, которое правит как можно меньше.* — Торо имеет в виду слова Эмерсона из второй серии его «Очерков» (1844): «Чем меньше у нас правительства, тем лучше».

мия — это всего лишь рука постоянного правительства. Само правительство, являющееся только формой, в которой народу угодно осуществлять свою волю, тоже ведь может быть обращено во зло, прежде чем народ совершит через него то, что хочет. Доказательством служит нынешняя война в Мексике, затеянная небольшой группой людей, которые использовали постоянное правительство в качестве своего орудия, ибо народ с самого начала не согласился бы на такую меру.

А что такое американское правительство, как не традиция, хотя и недавняя, пытающаяся себя увековечить, но ежеминутно теряющая что-то от своей чистоты? Оно не обладает жизненной силой даже одного человека, ибо один человек может подчинить его своей воле. Для народа это нечто вроде деревянного ружья. Но от этого оно не менее необходимо; ибо народу нужен тот или иной сложный механизм, и притом шумный, чтобы чувствовать, что у него действительно есть правительство. Правительства, таким образом, доказывают, как легко удается для их же пользы обманывать людей и как они обманывают себя сами. Отличная вещь, мы все должны это признать; однако наше правительство еще ни разу само не способствовало никакому делу иначе, как быстро

устраняясь с дороги. *Не оно* охраняет свободу страны. *Не оно* заселяет Запад. *Не оно* распространяет просвещение. Все это достигнуто благодаря чертам, присущим американскому народу, и достижений было бы больше, если бы правительство иной раз не мешало этому. Ибо правительство — это средство, с помощью которого люди хотели бы не мешать друг другу, и, как уже было сказано, это средство всегда наиболее действенно, когда меньше всего мешает своим подданным. Если бы торговля не была по своей природе резиновой, она никогда не смогла бы перепрыгивать все препятствия, какие воздвигают на ее пути законодатели; и если бы судить их только по результатам их действий, не учитывая их намерений, их следовало бы карать как тех злоумышленников, которые кладут посторонние предметы на рельсы.

Если говорить конкретно и как гражданин, а не как те, кто отрицает всякое правительство, я требую не немедленной отмены правительства, но его *немедленного улучшения*. Пусть каждый объявит, какое правительство он готов уважать, и это уже будет шагом к такому правительству.

Когда народ, получив в свои руки власть, передает ее большинству и долгое время по-

зволяет ему править, это происходит не потому, что оно правит наиболее справедливо, и не потому, что это представляется всего справедливее по отношению к меньшинству, но по той простой причине, что оно физически сильнее. Но правительство, где правит большинство, не может быть основано на справедливости даже в том ограниченном смысле, в каком ее понимают люди. Неужели невозможно такое правительство, где о правде и неправде судило бы не большинство, а совесть? Где большинство решало бы лишь те вопросы, к которым приложима мерка целесообразности? Неужели гражданин должен, хотя бы на миг или в малейшей степени, передавать свою совесть в руки законодателя? К чему тогда каждому человеку совесть? Я считаю, что мы должны быть сперва людьми, а потом уж подданными правительства. Желательно воспитывать уважение не столько к закону, сколько к справедливости. Единственная обязанность, какую я имею право на себя брать, — это обязанность всегда поступать так, как мне кажется правильным. Справедливо говорят, что у корпорации нет совести; но корпорация, состоящая из совестливых людей, *имеет* совесть. Закон никогда еще не делал людей скольконбудь справедливее; а из уважения к нему

даже порядочные люди ежедневно становятся орудиями несправедливости. Обычным и естественным следствием чрезмерного уважения к закону является войско с капитаном, капралом, рядовыми, подносчиками пороха и всеми прочими, в стройном порядке направляющееся по горам, по долам на войну наперекор своему желанию и даже здравому смыслу и совести — а это делает поход очень трудным и вызывает сердцебиение. Солдаты не сомневаются, что ввязались в скверное дело; все они настроены миролюбиво. Так кто же они? Люди или небольшие передвижные форты и пороховые склады, находящиеся в распоряжении какого-нибудь бессовестного человека, стоящего у власти? Посетите военный порт и взгляните на военного матроса: вот какого человека вырастило американское правительство, вот кого оно умеет вырастить с помощью своей черной магии — не человека, а тень, можно сказать, живого покойника, уже похороненного с воинскими почестями, —

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы его хоронили.
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили*.

* Первая строфа стихотворения английского поэта Чарльза Вольфа (1791–1823) «На погребение сэра Джона Мура» (1817). Перевод И. Козлова.

Именно так служит государству большинство — не столько как люди, сколько в качестве машин, своими телами. Они составляют постоянную армию, милицию, тюремщиков, служат понятыми шерифу и т. п. В большинстве случаев им совершенно не приходится при этом применять рассудок или нравственное чувство: они низведены до уровня дерева, земли и камней; быть может, удастся смастерить деревянных людей, которые будут не менее пригодны. Такие вызывают не больше уважения, чем соломенные чучела или глиняные идолы. Они стоят не больше, чем лошади и собаки. Однако даже они считаются обычно за хороших граждан. Другие, как, например, большинство законодателей, политических деятелей, юристов, священников и чиновников, служат государству преимущественно мозгами; и так как они редко бывают способны видеть нравственные различия, то, *сами того не сознавая*, могут служить как дьяволу, так и богу. Очень немногие — герои, патриоты, мученики, реформаторы в высоком смысле и настоящие *люди* — служат государству также и своей совестью, а потому чаще всего оказывают ему сопротивление, и оно обычно считает их за своих врагов. Мудрый человек согла-

сен приносить пользу именно в качестве человека и не соглашается быть глиной и затыкать дыру, чтобы не дуло*, оставляя эту роль хотя бы своему праху:

... так высок мой род,
Что не могу я быть ничьим слугой,
Приказы получать, как подчиненный,
Как подданный, и быть слепым орудьем
Какой-нибудь державы**.

Кто всецело отдает себя ближним, представляется им бесполезным и себялюбивым; а кто отдает себя им лишь частично, объявляется благодетелем человеческого рода.

Как же надлежит человеку в наше время относиться к американскому правительству? Я отвечу, что он не может связать себя с ним, не навлекая на себя позора. Я ни на миг не согласен признать *своим* правительством политическую организацию, которая является правительством *раба*.

Все признают право на революцию, то есть право не присягать и оказывать сопротивление правительству, когда его тирания или его неспособность становятся нестерпимы. Однако почти все говорят, что сейчас дело обстоит не

* ...затыкать дыру, чтобы не дуло. — Шекспир В. Гамлет. V, 1.

** Шекспир В. Король Иоанн. V, 2. Перевод Н. Рыковой.

так. Но так обстояло дело, по их мнению, во время революции 1775 года. Если бы мне сказали, что то было плохое правительство, потому что оно облагало пошлиной некоторые иностранные товары, доставлявшиеся в его порты, я, скорее всего, не стал бы поднимать из-за этого шума, потому что без этих товаров могу обойтись. Известное трение есть в каждой машине, и возможно, что эта машина делает достаточно полезного, чтобы свести на нет зло. Во всяком случае, большим злом будет поднимать из-за этого шум. Но когда у трения появляется своя машина, а угнетение и грабеж делаются организованными, я говорю: не надо нам такой машины. Другими словами, когда шестая часть населения страны, провозгласившей себя прибежищем свободы, является рабами, а всю страну наводняют чужеземные войска и вводят там военные законы, я считаю, что для честных людей настало время восстать и совершить революцию. Это тем более неотложный долг, что захваченная страна — не наша, а армия захватчиков — наша*.

* ...захваченная страна — не наша, а армия захватчиков — наша. — Речь идет о мексиканской войне 1846–1848 гг., целью которой было распространение на новые территории рабовладельческой системы. Великие дни начала мексиканской войны Торо высмеял в своей книге «Уолден, или Жизнь в лесу».

Пэли*, для многих главный авторитет в вопросах нравственности, в своей главе о долге повиновения гражданским властям сводит гражданский долг к выгодности и далее говорит: «Пока того требуют интересы всего общества, то есть пока нельзя противиться законному правительству или сменить его, не причиняя обществу неудобств, бог велит повиноваться этому правительству, но именно до тех пор, а не долее». Исходя из этого принципа, справедливость каждого случая сопротивления решается сравнением накопившихся несправедливостей с издержками их возможного исправления. Об этом, говорит он, каждый должен судить сам. Но Пэли, как видно, не задумывался над случаями, когда принцип выгоды неприменим и когда народ, как и отдельный человек, должен добиться справедливости любой ценой. Если я несправедливо вырвал доску у тонущего человека, я должен вернуть ее, хотя бы при этом сам утонул**. Это, согласно Пэли, было бы неудобно. Но тот, кто в подобном слу-

* Пэли, Вильям (1743–1805) — английский философ и богослов. Имеется в виду его книга «Принципы моральной и политической философии» (1785).

** Если я несправедливо вырвал доску у тонущего человека, я должен вернуть ее, хотя бы при этом сам утонул. — этот пример взят Торо из философского трактата Цицерона «Об обязанностях» (III), который он читал в Гарварде.

чае хочет душу свою сберечь, потеряет ее*. Наш народ не должен иметь рабов и воевать с Мексикой, хотя бы это стоило ему существования как нации.

В своей практике нации согласны с Пэли; но неужели кто-нибудь считает, что Массачусетс в нынешнем кризисе поступает по справедливости?

На троне и в парче, а все же неряха-девка,
Шлейф подобрал, в грязи волочит душу.

В сущности, противниками реформы в Массачусетсе являются не сто тысяч политических деятелей Юга, а здешние сто тысяч торговцев и фермеров, которым торговля и земледелие дороже человечности и которые не расположены поступить по справедливости с рабами и с Мексикой, *чего бы это ни стоило*. Я бросаю обвинение не далеким противникам, а тем, кто в нашей стране сотрудничает с ними и вершит их волю и без которых противники были бы безвредны. Мы любим повторять, что народные массы не готовы, но прогресс так медлителен потому, что избранные не намного мудрее или лучше большинства. Не столь важно, чтобы многие были так же хороши, как вы, важнее, чтобы существовало где-то абсолютное

* Евангелие от Луки, 9:24.

добро и служило закваской для всего теста*. Есть тысячи людей, *по убеждениям* противники рабства и войны, которые решительно ничего не делают, чтобы положить этому конец; которые, считая себя наследниками Вашингтона и Франклина, сидят сложа руки и говорят, что не знают, что делать, и не делают ничего; которые даже откладывают вопрос о свободе до решения вопроса о свободной торговле и спокойно читают после обеда прейскуранты вместе с последними вестями из Мексики и засыпают над ними. А каковы нынешние расценки на честного человека и патриота? Они сожалеют, иногда составляют петиции; но ничего не делают всерьез и с толком. Они ждут очень сочувственно, чтобы другие устранили зло и чтоб им больше не пришлось огорчаться из-за него. Самое большее, на что они готовы для правого дела, — это ничего не стоящее голосование, вялая поддержка и пожелание удачи. На одного добродетельного человека приходится девятьсот девяносто девять покровителей добродетели; но легче иметь дело с обладателем чего-нибудь, чем с его временным хранителем.

Всякое голосование подобно игре, вроде шашек или триктрака, с некоторым мораль-

* ...закваской для всего теста. — Первое послание апостола Павла к коринфянам, 5:6.